

А. С. Пушкинъ.

Станціонный смотритель.

Барышня-крестьянка.

Борисъ Годуновъ.

Н. В. ТУЛУЛОВЪ и
П. М. ШЕСТАКОВЪ.

БИБЛИОТЕКА
НОВОЙ ШКОЛЫ.

А. С. Пушкинъ.

Два разсказа:
Станціонный смотритель.
Барышня-крестьянка. ☆

Для
старшихъ.

Изданіе третье.
(30-я тысяча).

М. Н. П. допущена въ ученическія
библіотеки низшихъ учебн. заведен.

№ 23.

Цѣна 5 к.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва. — 1915 г.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ КНИЖКИ
 „Библиотеки Новой Школы“.

Книжки для чтенія на первомъ году обученія:

№№	Цѣна.	№№	Цѣна.
* 1. Красная шапочка	3 к.	* 19. Разказы и стихи	3 к.
* 2. Мальчикъ съ пальчикъ	3 "	* 20. Въ зеленомъ царствѣ	3 "
* 3. Снѣгурка	3 "	* 21. Рождественскій сборникъ	3 "
* 4. Три медвѣдя	3 "	* 22. Разказы. Басни. Стихотвор.	3 "
* 5. Про плутовку лису	3 "	* 23. Шведскія сказки. 1 сборникъ	3 "
* 6. Про мышъ зубастую да про воробья богатого	3 "	* 24. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 1-й сборникъ	3 "
* 7. Гуси-лебеди	3 "	* 25. А. С. Пушкинъ. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыр.	3 "
* 8. Аленушка	3 "	* 26. М. Вериго. Въ лѣсу. 1 книжка.	3 "
* 9. Страшная коза	3 "	* 27. Ея же. " " 2 книжка.	3 "
* 10. Колобокъ	3 "	* 28. Ея же. " " 3 книжка.	3 "
* 11. Воробушекъ	3 "	* 29. Нѣмецкія сказки. 1 книжка.	3 "
* 12. Про котятъ и зайцевъ	3 "	* 30. " " 2 книжка.	3 "
* 13. Дѣти въ деревнѣ	3 "	31. В. А. Жуковский. Спящая царевна	3 "
* 14. Дѣти въ городѣ	3 "	* 32. Л. Н. Толстой. Басни	3 "
* 15. Медвѣди	3 "	33. И. С. Никитинъ. Стихи	3 "
* 16. Семилѣтка	3 "		
* 17. Въ родной деревнѣ	3 "		
* 18. Разказы и сказки о животн.	3 "		

Книжки для чтенія на второмъ году обученія:

* I. Весна-красна	3 к.	XIX. А. С. Пушкинъ. Сказка о царѣ Салтанѣ	4 к.
* II. Весенніе гости	3 "	* XX. Л. Н. Толстой. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ	3 "
* III. Зимой	3 "	* XXI. М. Вериго. Въ лѣсу. 1 кн.	3 "
* IV. Лѣтомъ	3 "	* XXII. Ея же. " " 2 кн.	3 "
* V. Осенью	3 "	XXIII. Э. Томпсона-Сетонъ. Исторія одного волка	8 "
* VI. Про лису и про зайца	3 "	* XXIV. Ея же. Исторія одного кролика	7 "
* VII. Про воробья и про гуся	3 "	**XXV. Л. Н. Толстой. Чѣмъ люди живы	4 "
* VIII. Рождественская елка	4 "	XXVI. Э. Томпсона-Сетонъ. Лисицы (Милая семья)	4 "
* IX. Про журавля и лебедя	3 "	XXVII. Л. Н. Толстой. Басни	5 "
* X. Сказки и стихи	3 "	XXVIII. Ея же. Сказки для дѣтей	5 "
* XI. Весною	3 "	XXIX. Ея же. Разказы изъ дѣтской жизни	5 "
* XII. Шведскія сказки. 2 сборн.	5 "	XXX. И. С. Никитинъ. Стихотв.	3 "
* XIII. " " 3 сборн.	3 "		
* XIV. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 2-й сборникъ	3 "		
* XV. Свѣтлый день	4 "		
* XVI. Разск. и стихи о животн.	3 "		
* XVII. С. Т. Аксаковъ. Аленькой цвѣточекъ	5 "		
* XVIII. В. А. Жуковский. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ	4 "		

Книжки для чтенія на третьемъ году обученія:

* 1. Рождественскій сборникъ	5 р.	**1. Яко-музыкантъ	3 р.
* 2. На святкахъ	4 "	**13. Шарманка	4 "
* 3. Рождественская ночь	3 "	**14. Пять сутокъ подъ землей	4 "
* 4. Несчастные	5 "	15. Мать и дѣти	4 "
* 5. Зимой студеной	3 "	16. Христовъ	4 "
* 6. Въ природѣ зимою	3 "	17. Пасхальный сборникъ	4 "
* 7. Собаки на службѣ человѣку	3 "	* 18. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 3-й сборникъ	3 "
* 8. Въ циркѣ	5 "	19. Толке. 4-й сборникъ	3 "
* 9. Изъ дѣтской речани	3 "	* 20. Животныя и человѣкъ	5 "
* 10. Орелъ и соколъ	3 "	* 21. В. Ф. Копелькинъ. Степь	4 "
* 11. Большое и малое	4 "		

Книжки, означенныя знакомъ (*), допущены М. Н. Пр. въ учебн. библиотеки низш. учебн. завед. Отмѣченныя (**), признаны заслуживающими вниманія при пополненіи народн. читал. и общ.

Изд. № 26367

Станціонный смотритель.

Коллежскій регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранивался? Кто въ минуту гнѣва не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою бесполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подьячимъ или, по крайней мѣрѣ, муромскимъ разбойникамъ? Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и, можетъ-быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный

своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называется его шутливо князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днемъ ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымещаетъ на смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везуть—а виновать смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошеннаго гостя; но если не случится лошадей?.. Боже, какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ крещенскій морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Пріѣзжаетъ генераль; дрожащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ курьерскую. Генераль ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ — колокольчикъ!.. и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную!.. Вникнемъ во все это хорошенько, и, вмѣсто негодованія, сердце наше

исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіе двадцати лѣтъ сряду извѣздилъ я Россію по всѣмъ направле-ніямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго зрителя не знаю я въ лицо; съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный за-пасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь из-дать въ непродолжительномъ времени; пока-мѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ зрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разгово-ровъ (коими некстати пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣ-чамъ какого-нибудь чиновника шестого класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія зрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили

насъ, и объ немъ-то намъренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхаль на перекладныхъ и платилъ прогоны за двѣ лошади. Вслѣдствіе сего смотрители со мною не церемонились, и часто бираль я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: *чинъ чина почитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣръ: *умъ ума почитай*? Какіе возникли бы споры! И слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи *** стало накрапывать, и черезъ ми-

нугу проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По прїѣздѣ на станцію первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая—спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня! — закричалъ смотритель: — поставь самоваръ да сходи за сливками». При сихъ словахъ вышла изъ-за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я смотрителя. «Дочка-съ, — отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія;—да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу-мать». Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокъ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его

лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ, въ томъ же колпакѣ и шлафрокѣ, выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные нѣмецкіе стихи. Все это донинѣ сохранилось въ моей памяти, такъ же какъ и горшки съ бальзаминонь, и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самого хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и бодрого, и его длинный зеленый сюртукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со второго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потупила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать; она отвѣчала мнѣ безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу Дунѣ подаль я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ зрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними простился; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телѣги.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго зрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. «Но,—подумалъ я,—старый зритель, можетъ-быть, уже смѣненъ; вѣроятно, Дуня уже замужемъ». Мысль о смерти того или другого также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинку, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ, но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Зритель спалъ подъ тулупомъ; мой приѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ... Это былъ, точно, Симеонъ Выринъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небритаго лица, на сторблен-

ну спину—и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодрого мужчину въ хилаго старика. «Узналъ ли ты меня?—спросилъ я его.—Мы съ тобою старые знакомые». — «Можетъ статья, — отвѣчалъ онъ угрюмо: — здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ», отвѣчалъ онъ. «Такъ, видно, она замужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пощептомъ чистить мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомца.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?—началъ онъ.— Кто же и не зналъ ее? Ахъ, Дуня, Дуня! Что

за дѣвка-то была! Бывало, кто ни проѣдетъ, всякой похвалить, никто не осудить. Барыни дарили ее, та платочкомъ, та сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдать, аль отужинать, а въ самомъ дѣлѣ только чтобъ на нее подолѣ поглядѣть. Бывало, баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря съ нею по полчаса заговаривались. Ею домъ держался; что прибрать, что приготовить, за всѣмъ успѣвала. А я-то, старый дуракъ, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; ужъ я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелѣялъ моего дитяти; ужъ ей ли не было житье? Да нѣтъ, отъ бѣды не отбожиться; что суждено, тому не миновать». Тутъ онъ сталъ подробно рассказывать мнѣ свое горе. Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу, а дочь его за перегородкой шила сѣдое платье, тройка подѣхала, и проѣзжіи въ черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошли въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семь извѣстїи путешественникъ возвысилъ было голосъ и нагайку; но

Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: «Не угодно ли будетъ ему чего-нибудь покушать?» Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую косматую шапку, отпугавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ, стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у зрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и зритель приказалъ, чтобъ тотчасъ, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго; но, возвратясь, нашелъ онъ молодого человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать... Какъ быть! Зритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у

его кровати. Больной при смотрителѣ охаль и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ по минутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ея заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы и всякій разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности, слабою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лѣкарь. Онъ ощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по-нѣмецки, и по-русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусарь вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лѣкарь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусарь совсѣмъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дунею, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ.

День былъ воскресный: Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградивъ его за постой и угощеніе; простился и съ Дунею и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи... «Чего же ты боишься? — сказалъ ей отецъ. — Вѣдь его высокоблагородіе не волкъ и тебя не съѣстъ: прокатись-ка до церкви». Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свистнулъ, и лошади поскакали

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало ныть, ныть, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже расходился, но Дуни не было ни въ оградѣ ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ алтаря; дьячокъ гасилъ свѣчи; двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный отецъ

насилу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячокъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня, по вѣтрености молодыхъ лѣтъ, вздумала, можетъ-быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмельнъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ».

Старикъ не снесъ своего несчастья: онъ тутъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С***, и на его мѣсто опредѣлили на время другого. Тотъ же лѣкаръ, который пріѣзжалъ къ гусару, лѣчилъ и его. Онъ увѣрилъ смотрителя, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ нѣмецъ, или только же-

лалъ похвастаться дальновидностію, но онъ нимало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больного. Едва оправаясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца и, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось, — думалъ смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». Съ этой мыслию прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставнаго унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю и просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого.

Смотритель ушелъ и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатъ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше высокоблагородіе!.. Сдѣлайте такую божескую милость!..» Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. «Ваше высокоблагородіе! — продолжалъ старикъ:— что съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшили ея; не погубите жъ ее понапрасну». — «Что сдѣлано, того не воротишь, — сказалъ молодой человекъ въ крайнемъ замѣшательствѣ:— виноватъ передъ тобою и радъ просить у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты ни она — вы не забудете того, что случилось». Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ уви-

дѣль за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пятидесятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его — слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ и бросилъ ихъ наземь, притопталъ каблукъ и пошелъ... Отошедъ нѣсколько шаговъ, остановился, подумалъ... и воротился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человекъ, увидя его, подбѣжалъ къ извозчику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «Пошелъ!..» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился направиться домой, на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего дня черезъ два воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ—да и пошелъ.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебенъ у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехъэтажнымъ домомъ, у самага подъѣзда, и гусарь

забѣжалъ на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ зрителя. Онъ воротился и, поровнявшись съ кучеромъ: «Чья, братъ, лошадь? — спросилъ онъ: — не Мицскаго ли?» — «Точно такъ, — отвѣчалъ кучеръ. — А что тебѣ?» — «Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дуни записочку, а я и позабуду, гдѣ Дуня-то его живетъ». — «Да вотъ здѣсь, — во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нея». — «Пужды нѣтъ, — возразилъ зритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца: — спасибо, что надумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю». И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были закрыты; онъ позвонилъ. Прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ; ему отворили. «Здѣсь стоитъ Авдотья Симеоновна?» спросилъ онъ. «Здѣсь, — отвѣчала молодая служанка. — Зачѣмъ тебѣ ее надобно?» Зритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслѣдъ ему служанка: — у Авдотьи Симеоновны гости!» Но зритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ, пре-

красно убранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресель. Она съ нѣжностью смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ поневолѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать и вдругъ, увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. «Чего тебѣ надобно?—сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы.—Что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? Или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и, сильною рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступить. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію и опять принялся за свою должность. «Вотъ уже третій годъ, — заключилъ онъ, — какъ живу я

безъ дуни и какъ объ ней нѣтъ ни слуху ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дурь, сегодня въ атласѣ да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голю кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ-быть, тутъ же пропадаетъ, такъ поневолѣ согрѣшишь да пожелаешь ей могилы...»

Таковъ былъ разговоръ пріятеля моего, стараго зрителя, разговоръ, неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы сіи отчасти возбуждаемы были пуншемъ, коего вытянулъ онъ пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго зрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ...

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «Живъ ли ста-

рый смотритель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красные и желтые листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я приѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни вышла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый смотритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она—жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. «Отчего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. «Спился, батюшка», отвѣчала она. «А гдѣ его похоронили?»—«За околицей, подлѣ покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?»—«Почему же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».

При сихъ словахъ оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

— Знать ты покойника? — спросилъ я его дорогой.

— Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!), идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ: «Дѣдушка, дѣдушка, орѣшковъ!» а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится.

— А проѣзжіе вспоминаютъ ли его?

— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу.

— Какая барыня?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Прекрасная барыня,—отвѣчала мальчишка,—ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей и съ черной моською, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мнѣ пятакъ серебромъ... такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ

не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцомъ.

Отроду не видалъ я такого печальнаго кладбища,

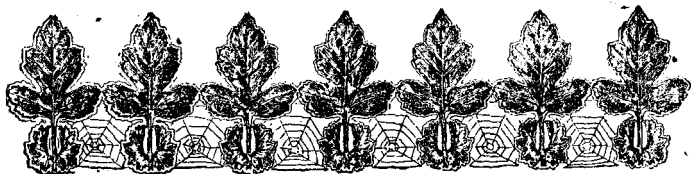
— Вотъ могила стараго смотрителя,—сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груды песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

— И барыня приходила сюда?—спросилъ я.

— Приходила,—отвѣчала Ванька:—я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ—славная барыня!

И я далъ мальчишкѣ пяточокъ и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

Болдино.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣди, пріѣзжавшіе къ нему гостить со своими семействами

и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ сюртукъ изъ сукна домашней работы, самъ записывалъ расходъ и ничего не читалъ, кромѣ «Сенатскихъ Вѣдомостей». Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящій русскій баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего и на ту пору эдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты англійскими жокеями. У дочери его была мадамъ англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ русскій не родится,

и, несмотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорія Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ: оборотъ,

казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ англomanіи своего сосѣда и по минутно находилъ случай его критиковать. Показывалъ ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: «Да-съ!—говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою:—у меня не то, что у сосѣда Григорія Ивановича. Куда намъ по-англійски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты». Сии и подобныя шутки, по усердію сосѣдей, доводимы были до свѣдѣнія Григорія Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англomanъ выносилъ критику столь же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего зоила медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу; но отецъ на то не соглашался. Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ.

Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ баринномъ, отпустивъ усы на всякій случай

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право, было бы жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотри, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣди говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника.

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жили въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннмъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй

долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того; носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англomана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ ко другу не ѣздили; она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и слѣдственно балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаянне ея мадамъ, миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурьмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня.

Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во французской трагедіи.

— Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости,— сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— Изволь; а куда?

— Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница и вчера приходила звать насъ отобѣдать.

— Вотъ!—сказала Лиза.—Господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

— А намъ какое дѣло до господъ!—возразила Настя.—Къ тому же, я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова да Расскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.

Настя общалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась.

— Ну, Лизавета Григорьевна,—сказала она, входя въ комнату:—видѣла молодого Бере-

стова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.

— Какъ это? Расскажи, расскажи по порядку.

— Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...

— Хорошо, знаю. Ну, потомъ.

— Позвольте-съ, расскажу все по порядку. Вотъ, пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были колбинскія, захарьевскія, приказчица съ дочерьми, хлупинскія...

— Ну! А Берестовъ?

— Погодите-съ. Вотъ, мы сѣли за столъ, приказчица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ...

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!

— Да какъ же вы нетерпѣливы! Ну, вотъ, вышли мы изъ-за стола... а сидѣли мы часа три, и обѣдъ былъ славный; пирожное бланманже синее, красное и полосатое... Вотъ, вышли мы изъ-за стола и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.

— Ну, что жъ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою?

— Удивительно хороше; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку...

— Право? А я такъ думала, что у него лицо блѣдное. Что же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печалень, задумчивъ?

— Что вы? Да этакаго бѣшеннаго я и сроду не видывала. Выдумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.

— Съ вами въ горѣлки бѣгать! Невозможно!

— Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймаетъ, и ну цѣловать!

— Воля твоя, Настя, ты врешь.

— Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился.

— Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?

— Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую; да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой ба-ловникъ!

— Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно?

— Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно нехорошо: за дѣвушками слишкомъ любить гоняться. Да по мнѣ, это еще не бѣда: со временемъ остепенится.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть!—сказала Лиза со вздохомъ.

— Да что же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ недалеко—всего три версты: подите гулять въ ту сторону или поѣзжайте верхомъ; вы, вѣрно, встрѣтите его. Онъ же всякій день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.

— Да нѣтъ, нехорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

— И въ самомъ дѣлѣ, надѣньте толстую рубашку, сарафанъ да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужъ васъ не прозѣваетъ.

— А по-здѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!

И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непременно исполнить веселое свое предположеніе. На другой же день приступила она къ испол-

ненію своего плана: послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову и призналась передъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль. На ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, наподобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчїи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькіе пестрые лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза ти-

хонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокъ, и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ государя; ясное небо, утренная свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой-нибудь знакомой встрѣчи она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодая наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало-по-малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцатилѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ шестомъ часу весенняго утра? Итакъ, она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ пре-

красная легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Sbogar, ici... и молодой охотникъ показался изъ-за кустарника. «Небось, милая, — сказала онъ Лизѣ: — собака моя не кусается». Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. «Да нѣтъ, баринь, — сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастѣнчивой, — боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется». Алексѣй (читатель уже узналъ его), между тѣмъ, пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься, — сказала онъ ей; — ты мнѣ позволишь итти подлѣ себя?» — «А кто те мѣшаетъ, — отвѣчала Лиза: — вольному воля, а дорога мірская». — «Откуда ты?» — «Изъ Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы». (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ.) «А ты, баринъ? Тугиловскій, что ли?» — «Такъ точно, — отвѣчалъ Алексѣй: — я камердинеръ молодого барина». Алексѣю хотѣлось уравнивать ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. «А лжешь, — сказала она: — не на дуру попалъ. Вижу, что ты самъ баринъ». — «Почему же ты такъ думаешь?» — «Даповсему». — «Однакожь?» — «Дакакъ

же барина съ слугой не распознать? И одѣтъ-то не такъ, и байшь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему». Лиза часъ отъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгій и холодный видъ, что хотя это и разсмѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній. «Если вы хотите, чтобъ мы были впередъ пріятелями, — сказала она съ важностію:— то не извольте забываться». — «Кто тебя научилъ этой премудрости? — спросилъ Алексѣй, расхохотавшись. — Ужъ не Настенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе!» Лиза почувствовала, что вышла было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. «А что думаешь? — сказала она. — Развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? Небось: всего наслышалась и наглядѣлась. Однако, — продолжала она, — болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ»... Лиза хотѣла удалиться; Алексѣй удержалъ ее за руку. «Какъ тебя зовутъ, душа моя?» — «Акулиной, —

отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой;—да пусти жь, баринъ, мнѣ и домой пора».—«Ну, мой другъ Акулина, непременно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью-кузнецу».—«Что ты?—возразила съ живостію Лиза.—Ради Христа, не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ баринѣмъ въ роцѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ: отецъ мой, Василій-кузнецъ, приѣдетъ меня до смерти».—«Да я непременно хочу съ тобою опять видѣться».—«Ну, я когда-нибудь опять сюда приду за грибами».—«Когда же?»—«Да хоть завтра».—«Милая Акулина, расцѣловаль бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда ли?»—«Да, да».—«И ты не обманешь меня?»—«Не обману».—«Побожись».—«Ну, вотъ те святая Пятница, приду».

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ уже набѣленная и затянутая въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки. Отецъ похвалилъ

ее за раннюю прогулку. «Нѣтъ ничего здоро-
вѣе,—сказалъ онъ,—какъ просыпаться на зарѣ». Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ чело-
вѣческаго долготѣтя, почерпнутыхъ изъ англій-
скихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жив-
шіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и
вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его
не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ
обстоятельства утренняго свиданія, весь раз-
говоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и
совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возра-
жала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не вы-
ходила изъ границъ благопристойности, что
эта шалость не могла имѣть никакого послѣд-
ствія, совѣсть ея роптала громче ея разума.
Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего
болѣе беспокоило ее: она совсѣмъ было рѣши-
лась не сдержатъ своей торжественной клятвы.
Но Алексѣй, прождавъ ее напрасно, могъ итти
отыскивать въ селѣ дочь Василья-кузнеца, на-
стоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и
такимъ образомъ догадаться объ ея легкомыс-
ленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и
она рѣшилась на другое утро опять явиться
въ рощу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхи-

щеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Збогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину: Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она преситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброду не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчій; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы отвратить Акулину отъ ея намѣренія, увѣрялъ ее въ не-

винности своихъ желаній, обѣщаль никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать одной отрады: видаться съ нею наединѣ, хотя бы черезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. «Дай мнѣ слово,—сказала она, наконецъ,—что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или спрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мной свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу». Алексѣй поклялся было ей святою Пятницею, но она съ улыбкой остановила его. «Мнѣ не нужно клятвы,—сказала Лиза,—довольно одного твоего обѣщанія». Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока Лиза сказала ему: «пора». Они разстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему

въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ добрый и пылкій малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными; итакъ, я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ; но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала

между ихъ отцами, и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романтической надеждою увидѣть, наконецъ, тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не переѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень) Иванъ Петровичъ Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякій случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизированныхъ владѣній. Подѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ, подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ-за кустарника. Если бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то, конечно бъ, онъ поворотилъ въ сторону, но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе

неожиданно и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный европеецъ, подѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется *господамъ*, по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стремянный закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, не бывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отличнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага, прежде ея не замѣченнаго, вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцую кобылу, которая, какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдка. Иванъ Петровичъ подскакалъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между тѣмъ стремянный привелъ виновную лошадь, держа

ее подь уздцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, затравивъ зайца и ведя своего противника раненымъ и почти военноплѣннымъ.

Сосѣди, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушиба не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать ко-пріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться отъ пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу. «Что это значить, папа, — сказала она съ удивленіемъ, — отчего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки?» — «Вотъ ужъ не угадаешь, my dear», отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и рассказаль ей все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій

Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Берестовы. «Что вы говорите!—сказала она, поблѣднѣвъ.—Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно; я ни за что не покажусь»,—«Что ты съ ума сошла?—возразилъ отецъ.—Давно ли ты стала такъ застѣнчива? Или ты къ нимъ питаешь наследственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься»...—«Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми». Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчьемъ съ нею ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны, Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она тотчасъ пе-

редала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей, какъ находкѣ, и положили исполнить ее непремѣнно.

На другой день, за завтракомъ, Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ. ✕«Папа,— отвѣчала Лиза,—я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни явилась, что бъ я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія».—«Опять какія-нибудь проказы!—сказалъ, смѣясь, Григорій Ивановичъ.—Ну, хорошо, хорошо, согласенъ, дѣлай, что хочешь, черноглазая моя шалунья». Съ этимъ словомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покатила около густозеленаго дерноваго круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльцо съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдей какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмо-

трѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ и повель по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь бесполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика ни восхищенія самолюбиваго англomана, но съ нетерпѣнiемъ ожидалъ появленiя хозяйской дочери, о которой много наслышался; и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображенiе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствii Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и вслѣдствiе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушiемъ, съ такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. Къ несчастiю, вмѣсто Лизы, вошла старая миссъ Жаксонъ, набѣленная, затянута, съ потушен-

ными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣя пропало втуне. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурьмлена пуце самой миссъ Жаксонъ, фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали какъ фижмы у madame de Pompadour; талія была перетянута какъ буква иксъ, и всѣ брильянты ея матери, еще не заложенные въ ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирило его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то

въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да, и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показывать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлила были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и только по-французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и во-

you can't see his laugh

просамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?—спросилъ онъ Лизу.—А знаешь ли что? Бѣлила, право, тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоёмъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться; разумѣется не слишкомъ, а слегка». Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщала ему подумать о его совѣтѣ и побѣжала умолять раздраженную миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавкою; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч. и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрясь, что Лиза не думала поднять ее насмѣхъ, успокоилась, поцѣловала Лизу и, въ залогъ примиренія, подарила ей баночку английскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ роцѣ свиданій. «Ты былъ, баринъ, вечеръ у нашихъ господъ?—сказала она тотчасъ Алексѣю.—Какова показалась тебѣ барышня?» Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. «Жаль»,

возразила Лиза. «А почему же?» спросилъ Алексѣй. «А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ...»—«Что же говорятъ?»—«Правда ли говорятъ, будто бы я на барышню похожа?»—«Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ».—«Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею равняться!» Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и, чтобы успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. «Однакожъ,—сказала она со вздохомъ,—хоть барышня, можетъ, и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная».—«И!—сказалъ Алексѣй,—есть о чемъ сокрушаться! Да, коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ».—«А взаправду,—сказала Лиза:—не попытаться ли и въ самомъ дѣлѣ?»—«Изволь, милая; начнемъ хоть сейчасъ». Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро она захотѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣ-

Товарищи! Мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ. Они пришли у милости твоей

Просить меча и службы.

Самозванецъ. Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ, друзья! Но кто, скажи мнѣ Пушкинъ,
Красавецъ сей?

Пушкинъ. Князь Курбскій.

Самозванецъ (*Курбскому*). Имя громко!
Ты—родственникъ казанскому герою?

Курбскій. Я—сынъ его.

Самозванецъ. Онъ живъ еще?

Курбскій. Нѣтъ умеръ.

Алексѣю Ивановичу, что въ такомъ случаѣ Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумасбродство (или, по его выраженію, англійскую дурь), однако не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, напримѣръ, рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкій родственникъ графу Пронскому, человѣку знатному и сильному; графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ), вѣроятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что, наконецъ, другъ съ другомъ и переговорились, обнялись, общались дѣло порядкомъ обработать и принялись о немъ хлопотать каждый съ своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда! Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ, Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а

Лиза уходила въ свою комнату всякій разъ какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. «Но, — думалъ Григорій Ивановичъ, — если Алексѣй будетъ у меня всякій день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладить».

Иванъ Петровичъ менѣе беспокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку и, немного помолчавъ, сказалъ: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарскій мундиръ уже тебя не прельщаетъ?» — «Нѣтъ, батюшка, — отвѣчалъ почтительно Алексѣй, — я вижу, что вамъ не угодно, чтобъ я шель въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться». — «Хорошо, — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, — вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу жъ и я тебя неволить: не понуждаю тебя вступить... тотчасъ... въ статскую службу; а покамѣстъ намѣрень я тебя женить»

— На комъ это, батюшка? — спросилъ изумленный Алексѣй.

— На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской, — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ; — невѣста хоть куда, не правда ли?

The book is from the collection of the...

I have not yet thought of marriage.

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.

— Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.

— Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится.

— Пслѣ понравится. Стерпится—слюбится.

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастье.

— Не твое горе—ея счастье. Что? Такъ-то ты считаешь волю родительскую? Добро!

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

— Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе—какъ Богъ святъ!—продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣсть не смѣй на глаза мнѣ показываться.

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ что себѣ въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ и, наконецъ, объ Акулинѣ.

over for you
it is your
her happiness
as you wish to
damn
as there is a God above
do not let my eye
to murder his daughter
you will get well to know
her happiness does nothing to do
with her

Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее страстно влюбленъ; романическая мысль жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о своемъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія.

Съ нѣкотораго времени свиданія въ роцѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды.

Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ общеннымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ гибели и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту въ душло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорій Ивановичъ?» спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ прилучинскаго замка. «Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ слуга: — Григорій Ивановичъ съ утра изволилъ выѣхать». — «Какъ досадно! — подумалъ Алексѣй. — Дома ли, по крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?» — «Дома-съ». И Алексѣй сыркнулъ съ

лошади, отдалъ поводья въ руки лакею и по-
шелъ безъ доклада *without being announced*

«Все будетъ рѣшено, — думалъ онъ, подходя
къ гостиной, — объяснюсь съ нею самою». Онъ

вошелъ... и *stood outside* Лиза... нѣтъ, Аку-
лина, милая, смуглая Акулина, не въ сара-
фанѣ, а въ бѣломъ утреннемъ платьицѣ, сидѣла

передъ окномъ и читала его письмо: она такъ
была занята, что не слыхала, какъ онъ и во-
шелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радо-
стнаго восклицанія. Лиза *heard* вздрогнула, подняла

голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бро-
сился ее удерживать. «Акулина, Акулина!..»

Лиза старалась отъ него *liberate* освободиться... «Mais
laissez-moi donc, monsieur: mais êtes-vous
fou?» повторяла она, отворачиваясь. «Акулина,
другъ мой, Акулина!» повторялъ онъ, цѣлуя

ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой
сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту

дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

— Ага! — сказалъ Муромскій: — да у васъ,
кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено.

Читатели избавятъ меня отъ излишней обя-
занности описывать развязку. — *conclusion on*

1830 г. Болдино.

marked his work

*The business is finished
You have come to a
conclusion on*

Н. В. ТУЛУЛОВЪ И
П. М. ШЕСТАКОВЪ.

А. С. Пушкинъ.

Борисъ Годуновъ.

**Для
старшихъ.**

Издание третье.
(30-я тысяча).

№ 12. Цѣна 9 к.

Издание Т-ва И. Д. Сытина. Москва. — 1914 г.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ КНИЖКИ „Библиотеки Новой Школы“.

Книжки для чтенія на первомъ году обученія:

№№	Цѣна.	№№	Цѣна.
* 1. Красная шапочка	3 к.	* 19. Рассказы и стихи	3 к.
* 2. Мальчикъ съ пальчикъ	3 "	20. Въ зеленомъ царствѣ	3 "
* 3. Свѣгурка	3 "	* 21. Рождественскій сборникъ	3 "
* 4. Три медвѣдя	3 "	* 22. Рассказы. Басни. Стихотвор.	3 "
* 5. Про плутовку лису	3 "	* 23. Шведскія сказки. 1 сборникъ	3 "
* 6. Про мышъ зубастую да про воробья богатаго	3 "	* 24. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 1-й сборникъ	3 "
* 7. Гуси-лебеди	3 "	* 25. А. С. Пушкинъ. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыр.	3 "
* 8. Аленушка	3 "	* 26. М. Вериго. Въ лѣсу. 1 книжка.	3 "
* 9. Страшная коза	3 "	* 27. Ея же. " " 2 книжка.	3 "
* 10. Колобокъ	3 "	* 28. Ея же. " " 3 книжка.	3 "
* 11. Воробушекъ	3 "	* 29. Нѣмецкія сказки. 1 книжка.	3 "
* 12. Про котятъ и зайцевъ	3 "	* 30. " " 2 книжка.	3 "
* 13. Дѣти въ деревнѣ	3 "	31. В. А. Жуковский. Спящая царевна	3 "
* 14. Дѣти въ городѣ	3 "	* 32. Л. Н. Толстой. Басни	3 "
* 15. Медвѣдя	3 "	33. И. С. Никитинъ. Стихи	3 "
* 16. Семилѣтка	3 "		
* 17. Въ родной деревнѣ	3 "		
18. Рассказы и сказки о животн.	3 "		

Книжки для чтенія на второмъ году обученія:

* I. Весна-красна	3 к.	XIX. А. С. Пушкинъ. Сказка о царѣ Салтанѣ	4 к.
* II. Весенние гости	3 "	* XX. Л. Н. Толстой. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ	3 "
* III. Зимю	3 "	* XXI. М. Вериго. Въ лѣсу. 1 кн.	3 "
* IV. Лѣтомъ	3 "	* XXII. Ея же. " " 2 кн.	3 "
* V. Осеню	3 "	XXIII. Э. Томпсонъ-Сетонъ. Исторія одного волка	8 "
* VI. Про лису и про зайца	3 "	* XXIV. Ея же. Исторія одного кролика	7 "
* VII. Про воробья и про гуся	3 "	* XXV. Л. Н. Толстой. Чѣмъ люди живы	4 "
* VIII. Рождественская елка	4 "	XXVI. Э. Томпсонъ-Сетонъ. Лисицы (Мялая семья)	4 "
* IX. Про журавля и лебедя	3 "	XXVII. Л. Н. Толстой. Басни	5 "
* X. Сказки и стихи	3 "	XXVIII. Ея же. Сказки для дѣтей.	5 "
* XI. Весною	3 "	XXIX. Ея же. Рассказы изъ дѣтской жизни	5 "
* XII. Шведскія сказки. 2 сборн.	5 "	XXX. И. С. Никитинъ. Стихотв.	3 "
* XIII. " " 3 сборн.	3 "		
* XIV. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 2-й сборникъ	3 "		
* XV. Свѣтлый день	4 "		
* XVI. Разск. и стихи о животн.	3 "		
* XVII. С. Т. Аксаковъ. Аленькой цвѣточекъ	5 "		
* XVIII. В. А. Жуковский. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ	4 "		

Книжки для чтенія на третьемъ году обученія:

* 1. Рождественскій сборникъ	5 к.	* 12. Янко-музыкантъ	3 к.
* 2. На святкахъ	4 "	* 13. Шарманка	4 "
* 3. Рождественская ночь	3 "	* 14. Пять сутокъ подъ землей	4 "
* 4. Несчастные	5 "	15. Мать и дѣти	4 "
* 5. Зимю студеной	3 "	16. Христось	4 "
* 6. Въ природѣ зимю	3 "	17. Пасхальный сборникъ	4 "
* 7. Собаки на службѣ человѣку.	3 "	* 18. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 3-й сборникъ	3 "
* 8. Въ циркѣ	5 "	* 19. То же. 4-й сборникъ	3 "
* 9. Изъ дѣтской жизни	3 "	* 20. Животныя и человѣкъ	5 "
* 10. Орель и соколь	3 "	* 21. В. О. Копельцинъ. Степь	4 "
* 11. Большое и малое	4 "		

Книжки, означенныя знакомъ (*), допущены М. Н. Пр. въ учен. библиотеки высш. учебн. зав. Отмѣченныя (**), признаны заслуживающими вниманія при пополненіи народн. читал. и библ.

„Библиотека новой школы“.

Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова.

А. С. Пушкинъ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Историческая драма:

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1914.

А. С. Пушкинъ.

Борись Годуновъ.

(1825 г.).

КРЕМЛЕВСКИЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля.)

Князя Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій. Наряжены мы вмѣстѣ го-
родъ вѣдать,

Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:

Москва пуста; вослѣдъ за патриархомъ

Къ монастырю пошелъ и весь народъ.

Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій. Чѣмъ кончится? Узнать нему-
дрено:

Народъ еще повоетъ да поплачетъ,

Борись еще поморщится немного,

Что пьяница предъ чаркою вина,

И, наконецъ, по милости своей,

Принять вѣнецъ смиренно согласится;

А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править

Попржнему.

Воротынскій. Но мѣсяць ужь протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою.
Онъ, кажется, покинулъ все мѣрское.
Ни патріархъ ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ—тверда, какъ онъ—неумолима:
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ
Что ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолѣ безвластный не взоидеть?
Что скажешь ты?

Шуйскій. Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій. Ужасное злодѣйство. Полно,
точно ль

Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій. А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?

Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ,

Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Издѣловать на мѣстѣ это дѣло:

Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;

Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;

Всѣ граждане согласно показали.

И, возвратясь, могъ единымъ словомъ

Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій. Зачѣмъ же ты его не уни-
чтожилъ?

Шуйскій. Онъ, признаюсь, тогда меня сму-
тилъ.

Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной;

Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый.

Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—

И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,

Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій. Нечисто, князь.

Шуйскій. А что мнѣ было дѣлать?

Все объявить Феодору? Но царь

На все глядѣлъ очами Годунова,

Все му внималъ ушами Годунова;

Пускай его бь увѣрилъ я во всемъ,—

Борись тотчасъ его бы разувѣрилъ,

А тамъ меня жь сослали бь въ заточенье,

Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,

Въ глухой-тюрьмѣ тихонько бь задавили.

Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никакая казнь меня не утрашитъ;
Я самъ—не трусь, но также—не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Слу-
шай, вѣрно,

Губителя раскаянье тревожитъ:

Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престоль.

Шуйскій. Перешагнетъ. Борисъ не такъ-
то робокъ!

Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашнїй рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій. Такъ; родомъ онъ не зна-
тень; мы знатнѣе.

Шуйскій. Да, кажется.

Воротынскій. Вѣдь Шуйскій, Воротын-
скій...

Легко сказать—природные князья.

Шуйскій. Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій. А слушай, князь, вѣдь мы бы
имѣли право

Наслѣдовать Теодору.

Шуйскій. Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій. Что жъ?

Когда Борисъ хитритъ не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать,
Пускай они оставляютъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

Воротынскій. Не мало насъ, наслѣдниковъ
варяга,

Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (*глядитъ въ окно*).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Ви-
дишь,

Народъ идетъ, рассыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

И весь народъ московскій православный,
Мы всё пойдёмъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирюю Москвой
И на вѣнецъ благословить Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ
Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ. (*Народъ рас-
ходится.*)

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

Одинъ. Теперь они пошли къ царицѣ въ
келью;

Туда вошли Борисъ и патриархъ
Съ толпой бояръ.

Другой. Что слышно?

Третій. Все еще

Упрямится; однако есть надежда.

БАБА (*съ ребенкомъ*). Агу! не плачь, не
плачь! Вотъ бука, бука

Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

Одинъ. Нельзя ли намъ пробраться за
ограду?

Другой. Нельзя. Куды! и въ полѣ даже
тѣсно,

Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Первый. Право, любо!

Одинъ. Что тамъ за шумъ?

Другой. Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣни!

Народъ *(на колѣняхъ; вой и плачъ)*.

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ *(тихо)*. О чемъ мы плачемъ?

Другой. А какъ намъ знать? То вѣдаютъ
бояре—

Не намъ чета.

Баба *(съ ребенкомъ)*. Ну, что жъ? Какъ надо
плакать,

Такъ и затихъ! Вотъ я тебѣ!.. вотъ бука!

Плачь, баловень! *(Ребенокъ плачетъ.)* Ну, тотъ же!

Одинъ. Всѣ плачутъ—

Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой. Я силюсь, братъ,

Да не могу.

Первый. Я также. Нѣтъ ли луку?
Петремъ глаза!

Другой. А я слюной намажу.
Что тамъ еще?

Первый. Да кто ихъ разбереть!

Народъ. Вѣнецъ за нимъ! онъ—царь! онъ
согласился!..

Борисъ—нашъ царь! за здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКИЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, патріархъ, бояре.

Борисъ. Ты, отче патріархъ, вы всѣ бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я приѣмлю власть
Великою со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—
Наслѣдую и ангелу-царю!..
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре:
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

Бояре. Не измѣнимъ присягъ, нами данной.

Борисъ. Теперь пойдѣмъ, поклонимся гро-
бамъ

Почюющихъ правителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пирь,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ—гости дорогіе.

(Уходитъ; за нимъ и бояре.)

Воротынскій (останавливая Шуйскаго).

Ты угадалъ.

Шуйскій. А что?

Воротынскій. Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій. Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій. Когда народъ ходилъ въ
Дѣвичье поле,

Ты говорилъ...

Шуйскій. Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.

А, впрочемъ, я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;

Но вотъ народъ привѣтствуетъ царя—
Отсутствіе мое замѣтить могутъ—
Иду за нимъ.

Воротынскій. Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

Отецъ Пимень, Григорій *(спящій)*.

Пимень *(пишетъ передъ лампадой)*.

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминають
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ...

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходить предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуясь, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немно словъ доходить до меня,
А прочее погребло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (*Пишетъ.*)

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкаль очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ.
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ—смиранный, величавый!..

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая добродушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ. Проснулся, братъ.

Григорій. Благослови меня, честной отецъ.

Пименъ. Благослови Господь
Тебя и днесъ, и присно, и вѣки.

Григорій. Ты все писалъ и сномъ не по-
забылся,

А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мучилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ. Младая кровь играетъ;
Смирѣй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольно дремотой обезсиленъ,

Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгоѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій. Какъ весело провелъ свою ты
младость!

Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Иоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келліямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣш-
ный свѣтъ

Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣniają слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,

Какъ въ монастырь Господь меня привель.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ?—Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ?—Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжель имъ становился.
Они его мѣняли на клубукъ.
Царь Иоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворець, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ ¹⁾ и власяницахъ ²⁾
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь—игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами вель.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:

¹⁾ Въ скуфейкахъ.

²⁾ Власяница — рубашка изъ волоса.

Предстану здѣсь, алкающій спасенья;
 Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
 Вы всё—обѣтъ примите мой духовный.
 Приду къ вамъ, преступникъ окаянный,
 И схиму ¹⁾ здѣсь честную восприму,
 Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши».

Такъ говорилъ державный государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной...
 А сынъ его Θεодоръ? На престолѣ
 Онъ вздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобразилъ въ молитвенную келью;
 Тамъ тяжкія державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
 И Русь при немъ во славу безмятежной
 Утѣшилась — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, царю едину зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтель,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Θεодоръ
 И называть великимъ патриархомъ...

¹⁾ Высшая степень монашества.

И всё кругомъ объаты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святой владыко предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужь не видать такого намъ царя..
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили.
Владыкою себѣ царубійцу
Мы нарекли.

Григорій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича; въ то время.
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ,
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,

Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣ-
денъ,

Является Иуда Битяговскій.

«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Поклялись — и назвали Бориса.

Григорій. Какихъ былъ лѣтъ царевичъ
убіенный?

Пимень. Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,

Свободные от подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора уже отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонять
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій. (*Ухо-
дитъ.*)

Григорій. Борисъ, Борисъ! все предъ то-
бой трепещеть,

Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

Патріархъ, игумень Чудова монастыря.

ПАТРИАРХЪ. И онъ убѣжалъ, отецъ игу-
мень.

Игумень. Убѣжалъ, святой владыка, вотъ
ужь тому третій день.

ПАТРИАРХЪ. Пострѣль, окаянный! Да какого онъ роду?

Игуменъ. Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ, пришелъ къ моей чудовской братіи; а я видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ. Ужъ эти мнѣ грамотеи! Что еще выдумалъ: *буду царемъ на Москвѣ!* Ахъ онъ, сосудъ дѣвольскій! Однако нечего царю и докладывать объ этомъ: что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Этакая ересь, *буду царемъ на Москвѣ!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это — ересь, отецъ игуменъ?

Игуменъ. Ересь. святой владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

Первый. Гдѣ государь?

Второй. Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый. Такъ; вотъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи.

Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаеть онъ?

Второй. Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый. Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ.*)

Царь (*входитъ.*) Достигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;

Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли

Мы смолоду влюбляемся и алчемъ

Утѣхъ любви, но только утолимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужь, охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долгіе, дни власти безмятежной,—

Ни власть ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувствую небесный громъ и горе.

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славъ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна—
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожить сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто не умереть—я всёхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Θεодора кончину,
Я отравилъ свою сестру, царицу,
Монахиню смиренную... все я!

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть:
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

КОРМЧА ¹⁾ НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Мисаиль и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ;
Григорій Отрепьевъ, міряниномъ; хозяйка.

Хозяйка. Чѣмъ-то мнѣ васъ потчевать,
старцы честные?

Варлаамъ. Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка.
Нѣтъ ли вина?

Хозяйка. Какъ не быть, отцы мои! сей-
часъ вынесу. (*Уходитъ.*)

¹⁾ Питейный домъ.

Мисаиль. Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница литовская. до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій. Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ. Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль да я, грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ. Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаиль. Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка (*входитъ.*) Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаиль. Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (*Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню. «Какъ во городъ было во Казани»...*) Что же ты не подтягиваешь, да и не подтягиваешь?

Григорій. Не хочу.

Мисаиль. Вольному воля...

Варлаамъ. А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку... ¹⁾ (*Пьетъ.*) Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трез-

¹⁾ Шинокъ—винная лавка.

выхъ не люблю: иное дѣло — пьянство, а иное — чванство; хочешь жить, какъ мы, — милости просимъ; нѣтъ, — такъ убирайся, проваливай: скорморохъ попу не товарищъ.

Григорій. Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!.. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ. А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаилъ. Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ. Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спесивится. (*Пьетъ и поетъ: «Молодой чернецъ пострился»...*)

Григорій (*хозяйкѣ*). Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка. Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій. А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка. Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія да сторожевые приставы.

Григорій. Какъ заставы! Что это значить?

Хозяйка. Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

Григорій (*про себя*). Вотъ тебѣ, бабушка Юрьевъ день.

Варлаамъ. Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка — пьемъ до донышка, выпьемъ, поворотимъ, и въ донышко поколотимъ.

Мисаиль. Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій (*хозяйкѣ*). Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка. А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ этого будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да бормъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (*Слышенъ шумъ.*) Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій. Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другого угла?

Хозяйка. Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ вина и хлѣба и невѣдомо чего— чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ...

(Входятъ приставы.)

Приставъ. Здорово, хозяйка!

Хозяйка. Добро пожаловать, гости дорогие, милости просимъ.

Одинъ приставъ (другому.) Ба, да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ.) Вы что за люди?

Варлаамъ. Мы—Божіе старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеньямъ да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорію.) А ты?

Мисаиль. Нашъ товарищъ...

Григорій. Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отсельъ иду во-свояси.

Мисаиль. Такъ ты раздумаль...

Григорій (тихо). Молчи.

Приставъ. Хозяйка, выставъ-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ да побесѣдуемъ.

Другой приставъ (тихо). Парень-то, кажется, голь; съ него взять нечего; зато старцы...

ПЕРВЫЙ. Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, какво промышляете?

ВАРЛААМЪ. Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячуть. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропъешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо! знать, пришли наши послѣднія времена...

ХОЗЯЙКА *(плачетъ)*. Господь помилуй и спаси.

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ. Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

ВТОРОЙ. При мнѣ.

ПЕРВЫЙ. Подай-ка сюда.

МИСАИЛЬ. Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ. А вотъ что, изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаиль. Не слыхалъ.

Приставъ. Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаиль. Не знаю.

Приставъ (*Варлааму*). Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ. Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (*Мисаилу*). А ты?

Мисаиль. Не умудрилъ Господь.

Приставъ. Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаиль. На что мнѣ его?

Приставъ. Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты.

Мисаиль. Я? Помилуй! что ты!

Приставъ. Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка. Ахъ они, окаянные мучители! старца-то въ покоѣ не оставляютъ!

Приставъ. Кто здѣсь грамотный?

Григорій (*выступаетъ впередъ*). Я грамотный.

Приставъ. Вотъ на... А у кого же ты на учился?

Григорій. У нашего понамаря.

Приставъ (*даетъ ему указъ*). Читай же вслухъ

Григорій (*читаетъ*). «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впаль въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ литовской».

Приставъ (*Мисаилу*). Какъ же не ты?

Григорій. «И царь повелѣлъ изловить его»...

Приставъ. И повѣсить!

Григорій. Тутъ не сказано повѣсить.

Приставъ. Врешь! не всякое слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій. «И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отроду (*смотря на Варлаама*) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое». (*Всѣ глядятъ на Варлаама.*)

1-й приставъ. Ребята! здѣсь Гришка, держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думаль, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ (*вырывая бумагу*). Отстаньте, пострѣлы! Что я за Гришка? Какъ 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читываль и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить. (*Читаетъ по складамъ.*) « А лѣтъ е-му отроду 20». — Что, братъ, гдѣ тутъ 50? Видишь—20.

2-й приставъ. Да, помнится, двадцать: такъ и намъ было сказано.

1-й приставъ (*Григорію*). Да ты, братъ, видно, забавникъ. (*Во время чтенія Григорій стоитъ, потупя голову съ рукою за пазухой.*)

ВАРЛААМЪ (*продолжаетъ*). «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(*Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.*)

Приставъ. Держи! держи! (*Всѣ бѣгутъ въ беспорядкѣ.*)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

Шуйскій, множество гостей; ужинъ.

Шуйскій. Вина еще! (*Встаетъ, за нимъ и
вст.*) Ну, гости дорогие,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.
Мальчикъ. Царю небесъ, вездѣ и присно
сущій!

Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой, благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ и на одрѣ ночлега;
Поддай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря и до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатень,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистошимою
Проистекуть источники на насъ;
И, царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

Шуйскій (*пьетъ*). Да здравствуетъ великій
государь!

Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлѣбомъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(*Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до двери.*)

Пушкинъ. Насилу убрались; ну, князь
Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ
не удастся и переговорить.

Шуйскій (*слушаетъ*). Вы что ротъ разинули?
Все бы господь подслушивать. Сбирайте со стола
да ступайте вонъ.—Что такое, Аванасій Ми-
хайловичъ?

Пушкинъ. Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій. Ну?

Пушкинъ. Странную племянникъ пишетъ
новость.

Сынъ Грознаго... Постой... (*Идетъ къ дверямъ и
осматриваетъ.*)

Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный...

Шуйскій. Да это ужъ не ново.

Пушкинъ. Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій. Вотъ на! Какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинъ. Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій. Не можетъ быть.

Пушкинъ. Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шель въ тайную палату короля.

Шуйскій. Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

Пушкинъ. Не знаютъ;

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій. Что жъ говорятъ объ этомъ
удальцѣ?

Пушкинъ. Да слышно, онъ уменъ, при-
вѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ

Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ—
И, говорятъ, помогу обѣцалъ.

Шуйскій. Все это, братъ, такая кутерьма.
Что голова кругомъ пойдетъ невольню.
Сомнѣнья нѣтъ, что это — самозванецъ.
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой.

Пушкинъ. Такой грозѣ, что врядъ царю
Борису

Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему! онъ править нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребааетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ, въ глуши, голодна смерть иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы—отечества надежда?—

Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ, тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить:
Не властны мы въ помѣстяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ—
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то — въ приказъ холопій.
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій. Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ. Вѣстимо,
Знай про себя. Ты—человѣкъ разумный:
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожить,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;

Къ тому жъ твой медъ да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мой развязали...

Прощай же, князь.

Шуйскій. Прощай, братъ, по свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Царевичъ чертитъ географическую карту; царица;
мамка царицы.

Ксенія *(цѣлуетъ портретъ)*. Милый мой
женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты
достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ,
на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно
по тебѣ буду плакать.

Мамка. И, царица! Дѣвица плачетъ, что
роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушить.
Будетъ у тебя другой женихъ — и прекрасный
и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше не-
наглядное, забудешь Ивана-королевича.

Ксенія. Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду
вѣрна. *(Входитъ Борисъ.)*

Царь. Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.

Я, можетъ-быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастье твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занять? Это что?

Θеодоръ. Чертежъ земли Московскоѣ; наше
царство

Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь. А это что такое
Узоромъ здѣсь виѣтся?

Θеодоръ. Это—Волга.

Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ
ученья!

Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ; наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ-быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ: и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать. (*Вхо-
дитъ Семенъ Годуновъ.*)

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(*Ксенія.*) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь. (*Ксе-
нія съ мамкою уходятъ.*)

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

Семень Годуновъ. Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь. Ну?

Семень Годуновъ. Пушкина слуга до-
несъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхаль
Изъ Кракова гонецъ—и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь. Гонца схватить.

Семень Годуновъ. Ужъ послано въ до-
гоню.

Царь. О Шуйскомъ что?

Семень Годуновъ. Вечоръ онъ угощаль
Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь. Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ. Государь!

Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ. Позвать его сюда. (*Годуновъ уходитъ.*)

ЦАРЬ. Сношенія съ Литвою! Это что?..

Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:

Уклончивый, но смѣлый и лукавый... (*Входитъ
Шуйскій.*)

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:

И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ. Такъ, государь: мой долгъ тебѣ
повѣдать

Вѣсть важную.

ЦАРЬ. Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ (*тихо указывая на Теодора*). Но,
государь...

ЦАРЬ. Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ. Царь, изъ Литвы пришла намъ
вѣсть...

ЦАРЬ. Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ?

ШУЙСКІЙ. Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, го-
сударь,

Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ. НѢтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ.

Мы истины.

ШУЙСКІЙ. Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ
И что король и паны за него.

ЦАРЬ. Что жъ говорятъ? Кто этотъ само-
званецъ?

ШУЙСКІЙ. Не вѣдаю.

ЦАРЬ. Но... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКІЙ. Конечно, царь, сильна твоя дер-
жава,

Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ,
Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ, если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,—
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ. Димитрія!.. Какъ? Этого младенца?

Димитрія!.. Царевичъ, удались.

Шуйскій (*про себя*). Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

Феодоръ. Государь,

Дозволишь ли...

ЦАРЬ. Нельзя, мой сынъ, поди. (*Феодоръ уходитъ.*)

Димитрія!..

Шуйскій (*про себя*). Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ. Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ,

Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась

Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай!

Шуйскій. Иду.

ЦАРЬ. Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,

Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Допрашивать царей, царей законныхъ,

Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,

Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?

Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій. Я, государь?..

ЦАРЬ. Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца,
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

Шуйскій. Клянусь тебѣ...

ЦАРЬ. Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

Шуйскій. Онъ.

ЦАРЬ. Подумай, князь. Я милость обѣщаю.
Пропедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Ось ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій. Не казнь страшна—страшна твоя
не милость!

Передъ тобой дерзну ли я лукавить?..
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщаль,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.

Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало.
 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
 Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
 И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
 Глубокая не запеклася язва,
 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ. Димитрій
 Во гробѣ спить.

ЦАРЬ. Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)

Ухъ, тяжело!.. Дай духъ переведу!
 Я чувствовалъ, вся кровь моя въ лицо
 Мнѣ кинулась и тяжело опускалась...
 Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
 Все снилося убитое дитя!
 Да, да—вотъ что! Теперь я понимаю.
 Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
 Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
 Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
 Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
 Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
 На призракъ сей подуѣ—и нѣтъ его.
 Такъ, рѣшено не окажу я страха—
 Но презирать не должно ничего.
 Охъ, тяжела ты, шанка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

Самозванецъ и Патерь Черниковскій.

САМОЗВАНЕЦЪ. Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья!

Я знаю духъ народа моего—
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья.
Ему священъ примѣръ царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признають власть намѣстника Петра.

ПАТЕРЬ. Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,

Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена,
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велить:
Твои слова, дѣянья судять люди,
Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ. Амен. Кто тамъ?

(Входитъ слуга.)

Сказать—мы принимаемъ.

(Входитъ толпа русскихъ и поляковъ.)

Товарищи! Мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ. Они пришли у ми-
лости твоей

Просить меча и службы.

Самозванецъ. Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ, друзья! Но кто, скажи мнѣ Пушкинъ,
Красавецъ сей?

Пушкинъ. Князь Курбскій.

Самозванецъ (*Курбскому*). Имя громко!
Ты—родственникъ казанскому герою?

Курбскій. Я—сынъ его.

Самозванецъ. Онъ живъ еще?

Курбскій. Нѣтъ, умеръ...

САМОЗВАНЕЦЪ. Великій умъ! Мужъ битвы
и совѣта!

Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

Курбскій. Мой отецъ.

Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ,
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ. Несчастный вождь! Какъ
ярко просіялъ

Восходъ его шумящей, бурной жизни!
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать,
Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... Руку!
Не странно ли? Сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? Да—сына Іоанна!..
Все за меня и люди и судьба.
Ты кто такой?

Полякъ. Собанскій, шляхтичъ вольный.

Самозванецъ. Хвала и честь тебѣ, сво-
боды чадо!

Впередъ ему треть жалованья выдать.

Но эти кто? Я узнаю на нихъ

Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ (*бьетъ челомъ*). Такъ, государь,
отецъ нашъ. Мы твои

Усердные, гонимые холопья.

Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали

Къ тебѣ, нашъ царь,—и за тебя готовы

Главами лечь, да будутъ наши трупы!

На царскій тронъ ступенями тебѣ.

Самозванецъ. Мужайтесь, безвинные
страдальцы!

Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,

А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами

Расплатится. Что жъ новаго въ Москвѣ?

Хрущовъ. Все тихо тамъ теперь; но ужъ
народъ

Спасеніе царевича провѣдалъ,

Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.

Всѣ ждуть тебя. Недавно двухъ бояръ

Борисъ казнилъ за то, что за столомъ

Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ. О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! И горе Годунову!

Что говорить о немъ?

Хрущовъ. Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызеть. Борисъ едва влачится,
И—думаю—его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.

Самозванецъ. Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то—бѣда злодѣю? А кого
Наслѣдникомъ наречъ намѣренъ онъ?

Хрущовъ. Онъ замысловъ своихъ не объ-
являетъ,
Но, кажется, что молодого сына,
Θеодора, онъ прочитъ намъ въ цари.

Самозванецъ. Въ расчетахъ онъ, быть-
можетъ, ошибется.

Ты кто?

Карела. Казакъ; къ тебѣ я съ Дона по-
сланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховныхъ и низовныхъ,
Узрѣть твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами!

Самозванецъ. Я зналъ донцовъ: не сом-
нѣвался видѣть

Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный, вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланяясь низко, и
хватаетъ Гришку за полу*).

Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

Самозванецъ. Что хочешь ты?

Поэтъ (*подаетъ ему бумагу*). Примите бла-
склонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ. Что вижу я? Латинскіе
стихи!

Стократъ священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ,

Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,

И я люблю парнасскіе цвѣты.

Я вѣрую въ пророчества пштовъ.

Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди

Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,

Его жъ они прославили заранѣ!

Приблизься, другъ. Въ мое воспоминање

Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень.*)

Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнь.
Musa gloriâ coronat gloriâque musam ¹⁾.
Итакъ, друзья, до завтра, до свиданья.

Всѣ. Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ
Димитрій!

Да здравствуетъ великій князь московскій.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

Самозванецъ (*входитъ*). Вотъ и фонтанъ;
она сюда придетъ.

Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть:
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались—я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
Что значить сей неодолимый трепеть?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это—страхъ. День цѣлый ожидалъ

¹⁾ Муза вѣнчаетъ славу, а слава — музу.

Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ оболещу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей;
Но часъ насталь—и ничего не помню;
Не нахезу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это—свѣтъ обманчивой луны,
И шумѣль здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (*входитъ*). Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ. Она!.. вся кровь во мнѣ
остановилась.

МАРИНА. Димитрій! вы?

САМОЗВАНЕЦЪ. Волшебный, сладкій го-
лосъ! (*Идетъ къ ней.*)

Ты ль, наконецъ? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномы!

МАРИНА. Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время—
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась

Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то въ правѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ той могла я смѣло
Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа.
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя.

САМОЗВАНЕЦЪ. О, дай забыть хоть на
единый часъ

Моей судьбы, заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА. Не время, князь: ты медлишь, и
межъ тѣмъ

Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;

Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

Самозванецъ: Что Годуновъ? Во власти
ли Бориса

Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной—
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

Марина. Стыдись! не забывай
Высокаго, святого назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой—
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ. Не мучь меня, прелестная
Марина,
Не говори, что санъ, а не меня

Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА. Димитрій, ты и быть инымъ не
можешь;

Другого мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ. Нѣтъ! полно—
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей;
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ—и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я—бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею сучая,
Подъ клобукомъ свой замысль отважный
Обдумаль я; готовилъ міру чудо—
И, наконецъ, изъ келліи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался—

И поляковъ безмозглыхъ обмануль.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ли ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА. О стыдъ! о горе мнѣ! (*Молчаніе.*)
САМОЗВАНЕЦЪ (*тихо*). Куда завлекъ меня
порывъ досады!

Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ-быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (*Вслухъ.*) Вижу, вижу:
Стыдишься ты нежняжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово,
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
Рѣши: я жду. (*Бросается на колѣни.*)

МАРИНА. Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (*встаетъ*). Не презирай мла-
дого самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ-быть,
Достойныя московскаго престола,

Достойныя руки твоей безцѣнной..

Марина. Достойныя позорной петли, дерз-
кой!

Самозванецъ. Виновенъ я; гордыней
обуянный.

Обманывалъ я Бога и царей—

Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,
Меня казнить: я правъ передъ тобою.

Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.

Ты мнѣ была единственной святыней,

Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:

Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,

Одна любовь принудила меня

Все высказать.

Марина. Чѣмъ хвалится, безумецъ!

Кто требовалъ признанья твоего?

Ужъ если ты, бродяга безыменный, —

Могу ль, скажи, предаться я тебѣ, —

Могъ ослѣпить чудесно два народа;

Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты

Достоинъ быть успѣха своего,

И свой обманъ отважный обезпечить

Упорною, глубокою, вѣчною тайною.

Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,

Соединить судьбу мою съ твоею,

Когда ты самъ съ такою простотою,

Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ предъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ. Клянусь тебѣ, что сердца
моего

Ты вымучить одна могла признанье!
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина. Клянешься ты! итакъ, должна я
вѣрить.

О, вѣрю я: но чѣмъ, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышь езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ-быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

Самозванецъ (*гордо*). Тѣнь Грознаго меня
усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,

Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкою унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду—погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ, въ битвѣ чест-
ной

Иль, какъ злодѣй, на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ-быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА. А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ. Не мнишь ли ты, что я
тебя боюсь?

Что болѣе повѣрять польскою дѣвѣ,
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.

Димитрій я, иль нѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишъ и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА. Постоѣй, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня мирить.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій—
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не свержень Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я. (*Уходитъ.*)

САМОЗВАНЕЦЪ. Нѣтъ — легче мнѣ сра-
жаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вѣетъ, и ползетъ,
Скользить изъ рукъ, щипить, грозить и жа-
лить.

Змѣя! змѣя!.. Не даромъ я дрожалъ.

Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16 октября.)

Князь Курбскій и Самозванецъ, оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбскій (*прискакавъ первый*). Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!

Святая Русь! отечество! я твой!

Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю

Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:

Онъ мнѣ родной! Твоя теперь душа,

О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ

Опальные возрадуются кости!

Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,

Сей славный мечъ—гроза Казани темной,

Сей добрый мечъ—слуга царей московскихъ!

Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ

За своего надѣжу-государя!

Самозванецъ (*идетъ тихо, съ поникшей головой*).

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа

Въ немъ радостью и славой разыгралась!

О витязь мой, завидую тебѣ!

Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго царя
Ты возвратишь отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курвскій. Ужель и ты не веселишься
духомъ?

Вотъ наша Русь: она—твоя, царевичъ!
Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава
Самозванецъ. Кровь русская, Курбскій,
потечеть!

Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позваль на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередь!

Курвскій. Впередь! и горе Годунову! (*Скачутъ. Полки проходятъ границу.*)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

Царь, патриархъ и бояре.

ЦАРЬ. Возможно ли? Разстрига, бѣглый
инокъ

На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ. Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ—
И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ.*)

ЦАРЬ. Мнѣ свейскій ¹⁾ государь
Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ,
Но не нужна намъ чуждая помощь—
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать

¹⁾ Шведскій.

Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
Чтобъ на коня сѣдѣли и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ—
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ царя и приговоръ боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ;
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопоть
Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;
Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? Рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святой отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ. Благословенъ Всевышній, по-
селившій

Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій государь;
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:

Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озарить.

Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ царевича, какъ ризою
Украденной, безстыдно облачился;
Но стоитъ лишь ее раздрать—и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу—
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ,—сказалъ онъ,—я ослѣпъ
И съ той поры не зналъ ни дня ни ночи
До старости; напрасно я лѣчился
И зелиемъ и тайнымъ нашептаниемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи—

Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ,
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говорить: встань, дѣдушкѣ, поди
Ты въ Угличь-градъ, въ соборъ Преображенья,
Тамъ помолись ты надъ моею могилой,
Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
Но кто же ты?—спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ Своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ.—Проснулся я и думаль:
Что жъ? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ. Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой соборъ и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ

Повель меня—и только передъ гробомъ

Я тихую молитву сотворилъ,

Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ

И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».

Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ.)

Я посылаю тогда нарочно въ Угличъ,

И свѣдано, что многіе страдальцы

Спасеніе подобно обрѣтали

У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ во Кремль святыя мощи

Перенести, поставить ихъ въ соборъ

Архангельскомъ, народъ увидить ясно

Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,

И мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ. *(Молчаніе.)*

Князь Шуйскій. Святой отецъ, кто вѣ-
даетъ пути

Всевышняго? Не мнѣ его судить.

Нетлѣнный сонъ и силу чудотворца

Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;

Но надлежитъ народную молву

Изслѣдовать прилежно и безстрастно;

А въ бурныя ль смятеній времена

Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?

Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко

Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я, необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства—проще.
Такъ, государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь. Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ, за нимъ и всѣ бояре.)

Одинъ бояринъ *(тихо другому)*.

Замѣтилъ ты, какъ государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй. Я, признаюсь, не смѣлъ поднять
очей,

Не смѣлъ вздохнуть, но только шевелиться.

Первый. А выручилъ князь Шуйскій, мо-
лодецъ!

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Н а р о д ъ.

Одинъ. Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой. Обѣдня кончилась; теперь идетъ
молебствіе.

Первый. Что? ужъ проклинали того?

Другой. Я стоялъ на паперти и слышалъ,
какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ—
анаеема!

Первый. Пускай себѣ проклинаютъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой. А царевичу поютъ вѣчную теперь
память.

Первый. Вѣчную память живому! Вотъ ужъ
имъ будетъ, безбожникамъ!

Третій. Чу! шумъ. Не царь ли?

Четвертый. Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками.)

Мальчишки. Николка, Николка, желѣз-
ный колпакъ!.. трррр...

Старуха. Отвяжитесь отъ него, бѣсенята.
Помолись, блаженный, за меня, грѣшную,

Юродивый. Дай, дай, дай копеечку.

Старуха. Вотъ тебѣ копеечка, помяни же
меня.

Юродивый (*садится на землю и поетъ*).

Мѣсяць ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(*Мальчишки окружаютъ его снова.*)

Одинъ изъ нихъ. Здравствуй, юродивый,
что же ты шапки не снимаешь?

(*Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.*)

Экъ она звонить!

Юродивый. А у меня копеечка есть.

Мальчишка. Неправда; ну, покажи.

(*Вырываетъ копеечку и убитаетъ.*)

Юродивый (*плачетъ*). Взяли мою копеечку,
обижаютъ юродиваго.

Народъ. Царь, царь идетъ!

(*Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раз-
даетъ нищимъ милостыню. Бояре.*)

Юродивый. Борисъ, Борисъ! Николку дѣти
обижаютъ!

Царь. Подать ему милостыню! О чемъ онъ
плачетъ?

Юродивый. Николку маленькія дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре. Поди прочь, дуракъ! Схватите дурака!

Царь. Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка! (*Уходитъ.*)

Юродивый (*ему вслѣдъ*). Нѣтъ, нѣтъ: нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велить.

С Ъ В С К Ъ .

Самозванецъ, окруженный своими.

Самозванецъ. Гдѣ плѣнный?

Ляхъ. Здѣсь.

Самозванецъ. Позвать его ко мнѣ.

(*Входитъ русскій плѣнникъ.*)

Кто ты?

Плѣнникъ. Рожновъ, московскій дворянинъ.

Самозванецъ. Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ. Съ мѣсяць будетъ.

Самозванецъ. Не совѣстно, Рожновъ, что
на меня

Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ. Какъ быть. не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ. Сражался ты подъ Сѣвер-
скомъ?

Плѣнникъ. Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы!

САМОЗВАНЕЦЪ. Что Годуновъ?

Плѣнникъ. Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ. А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ. Царь наградилъ его заслуги
честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ. Онъ въ войскѣ былъ нуж-
нѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ. Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ. Что? ждуть меня?

Плѣнникъ. Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая, право, притча—
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три

Сойдутся—глядь—лазутчикъ ужъ и вьется.

А государь досужною порою

Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.

Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ. Завидна жизнь Борисовыхъ
людей!

Ну, войско что?

Плѣнникъ. Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ. Да много ли его?

Плѣнникъ. Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ. А будетъ тысячь тридцать?

Плѣнникъ. Да наберешь и тысячь пять-
десять!

*(Самозванецъ задумывается; всѣ смотрятъ другъ
на друга.)*

Самозванецъ. Ну! Обо мнѣ какъ судять
въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ. А говорятъ о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнѣвѣ), и воръ,
А молодець.

Самозванецъ *(смѣясь)*. Такъ это я на
дѣлѣ

Имъ докажу. Друзья, не станемъ ждать

Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:

Назавтра бой. *(Уходитъ.)*

Всѣ. Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ. Назавтра бой! Ихъ тысячь пятьде-
сятъ,

А насъ всего едва ль пятнадцать тысячь.

Съ ума сошелъ.

Другой. Пустое, другъ, полякъ.

Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ. Да, вызовешь! А какъ дой-
детъ до драки,

Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ. Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій
плѣнникъ,

То я тебя (*указывая на свою саблю*) вотъ этимъ
бы смирилъ.

Плѣнникъ. Нашъ братъ-русакъ безъ сабли
обойдется:

Нѣ хочешь ли вотъ этого, безмозглый!

(*Показываетъ кулакъ. Ляхъ гордо смотритъ на
него и молча отходитъ. Всѣ смѣются.*)

Л Ъ С Ъ.

Самозванецъ и Пушкинъ.

(*Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.*)

Самозванецъ. Мой бѣдный конь! Какъ
бодро поскакалъ

Сегодня онъ въ послѣднее сраженъе,
И раненый, какъ быстро несъ меня!
Мой бѣдный конь!

Пушкинъ (*про себя*). Ну, вотъ о чемъ жалѣть,

Объ лошади, когда все наше войско
Побито впрахъ!

Самозванецъ. Послушай, можетъ-быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ. Куда! Онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (*идетъ къ коню*). Мой бѣд-
ный конь!.. Что дѣлать? Снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(*Разстѣдываетъ коня. Входятъ нѣсколько ляховъ.*)

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ.
Гдѣ жъ витязь мой?

Ляхъ. Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ. Честь храброму и миръ
его душѣ!

Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! Вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужо! Десятаго повѣшу!
Разбойники!

Пушкинъ. Кто тамъ ни виновать,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ. А дѣло было наше;
Я было снялъ передовую рать—
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! Ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ. А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ. Да здѣсь, въ лѣсу? Чѣмъ
это не ночлегъ?

Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ
Рыльскѣ.

Спокойна ночь.

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.)

Пушкинъ. Приятный сонъ, царевичъ!
Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпечень онъ, какъ глупое дитя.
Хранить его, конечно, Провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борись, Басмановъ.

ЦАРЬ. Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетно побѣдой увѣнчались:
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними—
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужить!
Пора презрѣть мнѣ ропоть знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ. Ахъ, государь, стократно бла-
гословенъ

Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

ЦАРЬ. День этотъ недалекъ,
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ. Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ;
Такъ борзый конь грызеть свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ править
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ. Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ.
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже. (*Входитъ
бояринъ.*)

Что?

Бояринъ. Привели гостей иноплеменныхъ

ЦАРЬ. Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще нужно
Поговорить. (*Уходитъ.*)

БАСМАНОВЪ. Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ

Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворить.
Мысль важная въ умѣ его родилась;
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломить рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...
И можетъ-быть... Но что за чудный шумъ?

*(Тревога. Бояре, придворные служители въ без-
порядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ.)*

Одинъ. За лѣкаремъ.

Другой. Скорѣе къ патриарху!

Третій. Царевича, царевича зоветь!

Четвертый. Духовника!

Басмановъ. Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой. Царь занемогъ, царь
умираетъ.

Басмановъ. Боже!

Пятый. На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ
упалъ;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

*(Царя выносятъ на стулъ, все царское семей-
ство; всѣ бояре.)*

ЦАРЬ. Подите всѣ—оставьте одного

Царевича со мною. (*Все удаляются.*)

Умираю;

Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь. О, Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!

Но чувствую—мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!

Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно, ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь;
А я за все одинъ отвѣчу Богу.

О, милый сынъ, не обольщайся ложно.
Не ослѣпляй себя ты добровольно.

Въ дни бурные державу ты приѣмлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ—
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.

Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты—младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?

Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Печеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропоть.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣль. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престоль онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды,
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ царскій голосъ
На воздухъ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать

Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! Ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуешь женскій ликъ.

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:

Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ

Въ молодые дни привыкнулъ утопать,

Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,

И умъ его безвременно темнѣетъ.

Въ семьѣ своей будь всегда главой;

Мать почитай, но властвуй самъ собою:

Ты мужъ и царь; люби свою сестру—

Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Θеодоръ *(на колыняхъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, живи
и царствуй долговѣчно—

Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь. Все кончено—глаза мои темнѣютъ,

Я чувствую могильный хладъ...

*(Входятъ патриархъ, святители; за ними всѣ
бояре; царицу ведутъ подъ руки; царица ры-
даетъ.)*

Кто тамъ?

А! схима... такъ! Святое постриженье...

Ударилъ часъ! Въ монахи царь идетъ—

И темный гробъ моею будетъ кельей.

Повремени, владыка патриархъ:

Я—царь еще... Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Θεодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянётесь ли?

Бояре. Клянемся.

Царь. Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды...

Святой отецъ, приближься, я готовъ.

*(Начинается обрядъ постриженія. Женщины въ
обморокъ выносятъ.)*

С Т А В К А.

Басмановъ вводитъ Пушкина.

Басмановъ. Войди сюда и говори сво-
бодно.

Итакъ, тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ. Тебѣ свою онъ дружбу пред-
лагаетъ

И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

Басмановъ. Но я и такъ Θεодоромъ вы-
соко

Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

Пушкинъ. Ты присягалъ наслѣднику пре-
стола

Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?..

Басмановъ. Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустого мнѣ не говори! Я знаю,
Кто онъ такой.

Пушкинъ. Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но, впрочемъ, я за это не стою.
Быть-можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть-можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступить сынъ Борисовъ.

Басмановъ. Пока стою за юнаго царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, славу Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю.

А вы кого противъ меня пошлете,
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? Всего-то восемь тысячъ.

Пушкинъ. Ошибся ты: и тѣхъ не набе-
решь.

Я самъ скажу, что войско наше—дрянь,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что поляки лишь хвастаютъ да пьютъ,
А русскіе... да что и говорить;
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помощью,
А мнѣніемъ—да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
А нынче ль?.. Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепель брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумный—
Димитрія царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки услужить?
Какъ думаешь?

Басмановъ. Узнаете вы завтра.

Пушкинъ. Рѣшись.

Басмановъ. Прощай.

Пушкинъ. Подумай же, Басмановъ! (*Уходитъ.*)

Басмановъ. Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ
измѣна зрѣеть;

Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность молодого вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!..
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ;
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу государя...
Но смреть... но власть... но бѣдствія народны
(*Задумывается.*)
Сюда! Кто тамъ? (*Свищетъ.*) Коня! трубите
сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

Пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

Народъ. Царевичъ намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что стажемъ намъ бояринъ.
Сюда! Сюда!

Пушкинъ (на амвонъ). Московскіе гра-
ждане!

Вамъ кланяется царевичъ по приказаль. (Кланяется.)

Вы знаете, какъ Промыслъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ прясягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ ми-
ромъ.

Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руки на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ. Вѣстимо, нѣтъ.

Пушкинъ. Московскіе граждане!
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца;
Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
И трудъ, и гладь,—все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ—и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямитъ безумно.

И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритесь; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ митрополита,
Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и государю. (*Сходитъ.*
Шумъ народный.)

Народъ. Что толковать? Бояринъ правду
молвилъ.

Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!
Мужикъ на амвонъ. Народъ! народъ!
въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!
Народъ (*несется толпою*). Вязать! Топить!
Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У
КРЫЛЬЦА.

Феодоръ подъ окномъ.

Нищій. Дайте милостыню Христа ради!
Стража. Поди прочь; не велѣно говорить
съ заключенными.

Оеодоръ. Поди, старикъ, я бѣднѣ тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну.)

Одинъ изъ народа. Братъ да сестра— бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

Другой. Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый. Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

Другой. Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія. Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

Оеодоръ. Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія. Ахъ, братецъ, сердце замираетъ. *(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерешединовъ; за ними трое стрѣльцовъ.)*

Народъ. Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ. *(Они входятъ въ домъ.)*

Одинъ изъ народа. Зачѣмъ они пришли?

Другой. А, вѣрно, приводитъ къ присягѣ Оеодора Годунова.

Третій. Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, такой въ домѣ шумъ!.. Тревога!.. Дерутся!

Народъ. Слышишь? визгы! Это—женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты—крики замолкли—шумъ продолжается.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ.)

Мосальскій. Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Теодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. *(Народъ въ ужасѣ молчитъ.)* Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичь!

(Народъ безмолвствуетъ.)

